

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 4-го Апреля 1910 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9955.

МАЛЕНЬКІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ. ВОРОВСТВО.

(ЭТЮДЪ).

Всякое, даже ничтожное преступление имѣть свою исторію. Всякий, даже ничтожный фактъ въ жизни человѣка оставляетъ борозду на его сердцѣ. Всякое, даже ничтожное признаніе—дѣйно, если оно правдиво. Поэтому я и разсказываю вамъ этотъ случай.

Я получила мѣсто бояни послѣ долгихъ мытарствъ, голоданія, униженія и прочихъ прелестей. Въ этой семье оба, мужъ и жена, служили. Уходили съ утра, возвращались вечеромъ. Я шила, помогала по хозяйству, возилась съ тремя испорченными дѣвочками и получала 10 рублей въ мѣсяцъ.

Все это было-бы еще ничего, если бы у меня не развилось острое малокровіе, и если бы не пришелъ въ ветхость мой костюмъ. Когда человѣкъ опустится физически и чувствовать себя въ тягость окружающимъ, онъ падаетъ все ниже и ниже. Кто-то при мнѣ выразился:

— Не люблю я людей нечистоплотныхъ, не вѣрю я имъ.

И это топко. Нечистоплотные люди—морально нечистоплотны.

Я въ то время была ужасна. Грубила, лгала, жадничала, сплетничала и безгранично презирала себя самое. Особенно скверно было по утрамъ. Несвѣжая скатерть, крошки, тусклый самоваръ, заспанная, блестящія лица дѣтей и спрятанный воздухъ маленькой квартиры—наводили на меня чисто физическую тоску.

Я сидѣла за машинку и, вяло перевивая худую платьицу, думала:

— Есть люди богатые и бѣдные... счастливые и несчастные... какъ бы сдѣлаться богатой и счастливой?

Правда, задача сама по себѣ чрезвычайно глубокомысленна, и развивать ее можно до безконечности; только ботинки отъ нея не улучшились и юбка не новѣла.

И когда я дошла до послѣдней ступени нищеты, а вмѣстѣ и наглости, грубости, озлобленія и какой-то дикой лѣни, меня прогнали.

Нанияла я уголь у акушерки.

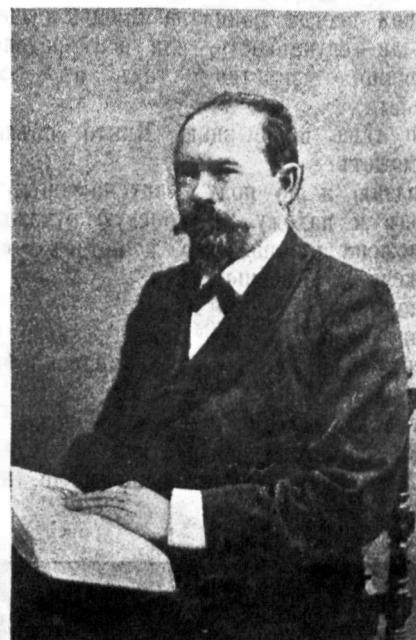
Бы большой, преходной комнатѣ, въ гдѣ висѣли старые пейзажи, валялись карточки отъ шляпъ, рваные чемоданы, мнѣ поставили кровать, тумбочку и ситцевые ширмы. За это я платила 5 рублей въ мѣсяцъ и сбяззась не шумѣть. Одѣяло, будильникъ, спиртовку и еще кое-какія мелочи я имѣла.

Цѣлехонкій день въ квартирѣ раздавались звонки, приходили незнакомые люди, уходили, суетились жильцы, изъ кухни неслась брань, стукъ, голоса, чадъ, а я лежала бѣлья и размышляла:

— Можетъ-быть, я—не я?

На наше счастье,—всякое переживаніе имѣть конецъ. Кто-то меня увидѣлъ, кто-то скажился, кто-то клопоталъ, кто-то снова нашелъ мнѣ мѣсто.

И заявилъ:

М. Г. Халанскій.

Ординарный профессоръ Харьк. ун-та.
Скончался 30-го марта.

Ф. П. Горевъ.

Драматический артистъ, скончавшийся

25-го марта.

— Вы поступите къ Л., только вамъ необходимо другое платье и крѣпкіе башмаки. Позаботьтесь обѣ этомъ. Не можетъ же быть, чтобы вы не имѣли ни души знакомой?

Я вспомнила Зою.

Это была моя подруга еще по-гимназіи, дѣвушка никакого происхожденія, но красивая, умная, добрая. Видѣлись мы рѣдко, Зоя жила на одномъ концѣ города, я—на другомъ. Бѣхать по трамваю—роскошь, а ходить—я не мастеръ. Такъ и

встрѣчались—разъ въ одинъ мѣсяцъ. Одѣвалась она нарядно, гдѣ-то днемъ пропадала, возвращалась поздно. Комнатку имѣла приличную, свѣтлую.

Часто и вполнѣ искренно Зоя предлагала мнѣ денегъ. Минутами это являлось для меня искушеніемъ. Почему бы и не взять? Стыдно, скверно... Э, вздоръ, нѣтъ никакого стыда у того, кто оборванъ да голоденъ. Бери, если даютъ.

Часто рѣшеніе назрѣвало, усваивалось.

Я шла къ ней, вѣрнѣе, плелась, какъ отравленная муха. Слабость, тошнота и, голодъ, голодъ... А тутъ еще калоши пишать, мокрая юбка въ ногахъ путается, отъ грязного ворота шея зудитъ... Омерзѣніе!... Просто,—съ моста бы да въ воду...

Явлюсь къ Зоѣ. Она рада. Смѣется. Ласкится. Глаза у нея—глубокіе, грустные. Мнѣ всегда казалось, будто покорилася она кому то сильному, всемогущему, неумолимому, и застыла въ своей покорности. У меня руки такъ и опустятся. Просить не могу, хоть и родная она мнѣ, понятная, близкая. Напьюсь чаю съ тяпушками, прослушаю романъ—два на гигарѣ, посудачу нехотя и бреду обратно.

Иногда плачу.

Отъ злобы, безсилія, отчаянія плачу.

И слезъ не вытираю.

Итакъ, желая во что бы то ни стало получить обѣщанное мѣсто и сдѣлать башмаки, платье, я рѣшила побороть себя и занять у Зои.

Отправилась.

День весенний, солнечный, шумный. Каются, гуляютъ, смѣются. Смотрю я вокругъ, потомъ на себя, потомъ на далѣкое, безстрастное, голубое небо. Почему оно молчитъ? Скажите, почему оно молчитъ? Ну, обождите... Кажется, я растягиваю...

Явлюсь къ Зоѣ.

Она уйти готовится. По обыкновенію, встрепенулась,... обняла.

— Какая ты блѣдна, Соня... Даже страшно.

Сорвала жакетъ, шляпу, начала кофе готовить. А разъ я только встрѣчала въ комѣ-нибудь участіе,—сили мои падали окончательно.

Я разрыдалась. Разсказываю, что и какъ...

Сидѣть она, голубоглазая, бѣлокурая, внимательная, и тоже плачетъ.

— Господи, вотъ неудача... были еще вчера деньги... 25 рублей... куда дѣлись съ комода—не знаю... потеряла ли я, вымели, или украли... ума не приложу... Я утромъ бучу подняла... ругалась... не нашла. Пусть я умру, коли вру...

Я повѣрила. Давно ее знала, и, дѣйствительно, было у нея сердце доброе, чуткое, какъ у ребенка.

Она просить меня:

— Останься, голубка... Я вернусь къ вечеру... часиковъ въ семь... и денегъ принесу... Останься, родненькая...

Мнѣ было все равно. Тащиться обратно или здѣсь сидѣть. Безразлично.

Я осталась. Зоя ушла.

Закатъ былъ розовый-розовый, на горизонте багровый. Запылали крыши, куполь церкви, каланча. Гдѣ-то шарманка... Влаж-

А. В. Заблинин.

Генераль-лейтенантъ, новый начальникъ военно-учебнаго заведенія.

Харьковскій съездъ инспекторовъ мелкаго кредита.

Съ 9 по 10 и 15—17 марта.

Въ заднемъ ряду стоятъ: И. А. Тимофеевъ, Ф. И. Бужиловъ, Н. Е. Тушновъ, И. А. Сокальский, А. П. Битусъ, М. Ф. Крамаревскій, А. П. Ласаренко, А. Н. Георгиевскій, П. И. Владимировъ, Н. В. Синельниковъ, Л. Н. Евдокимовъ (правитель канцелярии управляющаго дѣлами мелкаго кредита), Н. Н. Шкорбатовъ, И. И. Зеленинъ.

Во второмъ ряду стоятъ: В. Н. Кошелевъ, П. Г. Толмачевъ, В. Л. Савчинскій, И. В. Давыдовъ, А. Н. Микульшинъ, Г. А. Ганевичъ, И. Н. Керножицкий, В. Н. Федоровъ.

Задній рядъ сидящихъ: П. И. Померанцевъ, В. Н. Мироновъ, И. М. Подольскій, П. Е. Зотовъ, А. И. Никольскій, Л. С. Биркинъ (управляющій дѣлами мелкаго кредита), А. А. Беретти (помощникъ управляющаго), И. М. Васысь, Н. В. Батуричевъ.

Нижній рядъ сидящихъ: П. Ф. Пусинъ, М. Ф. Лавриновичъ, Л. Е. Карповъ и К. Д. Минаевъ.

тому,—всегда ли бываетъ такое мгновенное, твердое, холодное рѣшеніе.

Я взяла деньги, сунула за лифчикъ, нацепила шляпку и... ушла.

Помню только, что я чувствовала безумную усталость, смутное недоброжелательство къ Зоѣ и никакого раскаянія. И шла я не торопясь, и уснула въ ту ночь безъ кошмаровъ.

Черезъ недѣлю я поступила на мѣсто.

юный воздухъ, но весенний, тревожный, зовущій... Ахъ, какая нечеловѣческая тоска, нечеловѣческая мука охватила мене...

Бросилась я на диванчикъ и рыдаю, рыдаю—духъ не переведу.

Стемѣло.

Я встала, поправила волосы и начала на колѣнѣхъ ползать, собирая свои бусы, что разорвала, плача.

Меня всегда занимала мысль, существовать ли—случайность, или все предвидѣно, записано, известно тамъ, въ книжѣ Судьбы...

Но такъ и не знаю. Никто объяснить не можетъ.

Ползла я по полу, запускаю руку подъ комодъ и нахожу 25-рублевую бумажку.

Сложенна въ половину и потомъ еще... книжечкой. Новенькая.

Размышило.

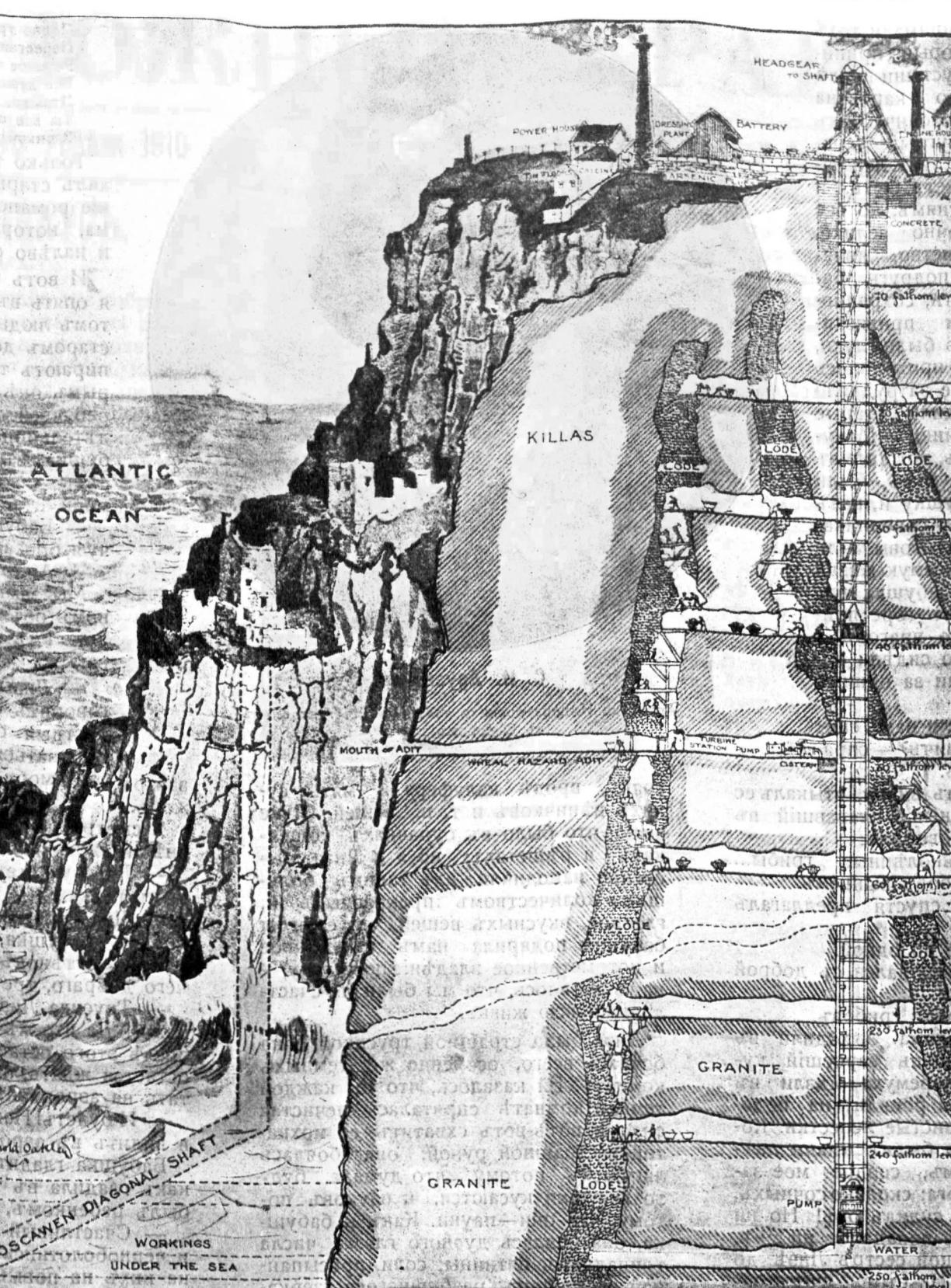
Зоя ошиблась. Не украли деньги и не потеряла она ихъ, а завалились и баста. А я нашла.

Отвѣтъ, кажется, простъ. Положи бумажку на столъ, возрадуйся за Зою и жди. Не знаю,—я не крала ни до, ни по-

Хильми-паша.

Бывшій турецкій великий визирь, находившійся въ Петербургѣ.

Подводные рудники олова въ Корнуоллисъ.

Замѣтвованная нами изъ "Graphic'a" диаграмма представляетъ одну изъ старѣйшихъ шахтъ Великобританіи. Поклонная королева Викторія спускалась въ эти шахты въ 1846 году, а нынѣшній король Эдуардъ, будучи принцемъ Валлійскимъ, поспѣстилъ въ 1865 г. На лѣвой сторонѣ рисунка обозначенъ пунктиромъ путь для спуска въ шахты.

Бѣзъ вѣдома.

— Знаешь, я передъ тобою сильно виновата...

И пошла расписывать, и пошла... все выложила.

Я—горю, задыхаюсь, заикаюсь, а она стала сразу холодная, угрюмая, чужая.

Возразила лѣниво, невесело:

— Эхъ, ты... хотѣбы уже молчать умѣла... Внутри себя бы и каялась... Не люблю я такъ... Уже болѣе гадокъ чловѣкъ потому становится...

И простила со мною. Руку еле подала, не глядѣть.

Я вернулась обратно, а все кругомъ захлопомъ разныx лекарственныхъ травъ; большая зеленая муха звонко журжалъ на солнцѣ близъ оконъ, а, когда тушили огни и умолкалъ шумъ дна, за печками трещали сверчки. По-

лѣтъ, дѣло, занятъ и занятъ... въ старомъ дому были всегда чисто вымыты и застланы дорожками изъ сѣраго холста, которые бѣжали отъ двери къ двери, сталкивались и перекрещивались. Передъ образами горѣли лампады, зеленые, красные, и голубые, и качались на лентахъ пасхальная яйца, а за образами были заткнуты вѣрбы, вселявшія въ мое дѣтское сердце священный страхъ и приводившія на память старое присловье, которому меня выучила бабушка:

"Верба—хлѣсъ,"

Бѣдъ до слезъ..."

На окнахъ стояли большія бутылки съ водкой, въ которой плавали апельсинные корки. Бутылки были заготовлены для праздничныхъ поздравителей, а послѣ праздниковъ неожидан-

Юбка, башмаки, тиролька... все у меня есть. Я довольна и по-прежнему не раскаиваюсь. Забыла. Кажется мнѣ, будто деньги съ неба свалились или подарены... Словомъ, о кражѣ не вспоминаю.

Мѣсяцъ проходить, два.

Веду я однажды свою мартышку гулять въ скверъ... Встрѣчу Зою.

Осмотриваетъ меня радостно, удивленно. Видитъ я чисто одѣтую, пополнила, спокойна. Пошли мы вмѣстѣ, бесѣдуемъ.

Не выдерживаю.

А теперь вспомню и думаю—права были для некоторыхъ поступковъ

ГЛУШЬ.

(МИНИАТЮРА).

Старый домъ стоялъ въ глухи. Въ старомъ дому пахло липовымъ цвѣтомъ, ромашкой и мяты, пріятнымъ запахомъ разныхъ лекарственныхъ травъ; большая зеленая муха звонко журжалъ на солнцѣ близъ оконъ, а, когда тушили огни и умолкалъ шумъ дна, за печками трещали сверчки. По-

но изъякали и принимали тотъ жалкій видъ, который принимаютъ колодцы пустыни послѣ прохода большого каравана съ сотнями меланхолическихъ верблюдовъ и смуглыхъ арабовъ. Число поздравителей бабушки, хотя, можетъ быть, и не равнялось сотнямъ, но все же было достаточно велико. Являлось духовенство, являлись старушки, подруги бабушки въ юности, сохранившія до старости привязанность къ ней. Онѣ были глухи, такъ что съ ними приходилось кричать, но это не затрудняло бабушку. Приходили старые отставные чиновники — Макушинъ и Чижиковъ, которые въ молодости, по слухамъ, были влюблены въ бабушку и, какъ это принято между соперниками, враждовали и готовы были посягнуть даже на самую жизнь другъ друга; но бабушка вышла замужъ; общее горе примирило и сблизило враговъ, а теперь они мирно сидѣли рядомъ и закусывали за однимъ столомъ.

— А не выпитьли намъ еще, Лаврентій Петровичъ? — спрашивалъ Чижиковъ.

Макушинъ браль вилку, втыкалъ ее въ лучшій отварный, плававшій въ уксусѣ, грибъ и говорилъ:

— Этакіе великолѣпные грибы... Что же, ради грибовъ выпьемъ.

Минутъ десять спустя предлагалъ Макушинъ:

— А ну-ка, еще по одной.

И Чижиковъ соглашался съ доброй улыбкой:

— Развѣ ужъ ради грибовъ.

Окна старого дома выходили въ садъ, густой и сплошь заросшій кустами. Сирень и черемуха лѣзли въ раскрытыя окна и роняли на подоконники свои душистые лепестки. Когда весной яблони были осыпаны цвѣтомъ, какъ снѣгомъ, сердце мое замирало отъ востерга: сколько сочныхъ, румяныхъ яблокъ сулилъ онъ! Но ни одного яблока не попадало ни мнѣ, ни моей двоюродной сестрѣ Лизѣ до яблочного Спаса. На этотъ счетъ бабушка была строга. Всѣ упавшія до срока яблоки она собирала, складывала въ кошелки и отправляла въ чуланы или въ погребъ. И только съ приходомъ августа мы вкушали запретнаго плода.

Я не думаю, чтобы можно было сочтать, сколько въ старомъ домѣ было чулановъ, чуланчиковъ и холодныхъ свѣтелокъ. Длинный рядъ цифръ, изъ которыхъ должно составиться это число, пугаетъ мое воображеніе, и рука моя отказывается писать ихъ.

Въ каждомъ чуланчикѣ по стѣнкамъ стояли сундуки, надъ сундуками тянулись полки съ рѣшетами, бурачками и кошелками; а къ потолку были привѣшены связки сухихъ грибовъ, баранокъ, окаменѣвшихъ отъ времени,

С. И. Друзыкина.

Артистка Императорскихъ театровъ. Къ гастролямъ въ Оперномъ театрѣ.

травъ, вродѣ калуфера и мяты, сухихъ вѣничковъ и т. п. вещей. Я не знаю, что было въ бурачкахъ, кошелкахъ и рѣшетахъ; но я и Лиза мысленно наполняли ихъ такимъ большимъ количествомъ прекрасныхъ и, главное, вкусныхъ вещей, что если бы бабушка подарила намъ въ вѣчное и потомственное владѣніе по чулану, — намъ казалось, что мы были бы счастливыми всю жизнь.

Лиза была страшной трусихой: она боялась всего, особенно же темныхъ комнатъ. Ей казалось, что въ каждой темной комнатѣ спряталась нечистая сила и вотъ-вотъ схватитъ ее мохнатой и страшной рукой; она боялась лягушекъ потому, что думала, будто лягушки кусаются, и пауковъ потому, что они — пауки. Какъ и бабушка, она боялась дурного глаза, числа тридцати, пятницы, соли, просыпаний за столомъ, разбившагося зеркала, которое будто бы предвѣщаетъ смерть; какъ и бабушка, она вѣрила въ гадалокъ, вѣрила въ какіе то вѣщіе сны и, увидѣвъ во снѣ печь, цѣлый день ходила мрачной, ожидая печали. Въ годы отсутствія, въ годы скитанія я представлялъ себѣ Лизу, сидящей у окна старого дома, за мелкой мудреной строчкой, вышивкой или плетеньемъ кружевъ. Русая коса ея бѣжитъ по спинѣ, головка склонилась къ работѣ, пухлыя губки шевелятся, и тоненький полудѣтскій голосокъ выводитъ:

“Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ,
Ты мнѣ миль навсегда...”

Это романсъ старого дома. Кромѣ этого романса, память моя сохранила другой:

„Смолкни, пташка-канарейка,
Полно громко распѣвать;
Перестань ты мнѣ, злодѣйка,
Ретивое надрывать.
Все давно забыто было.
Пташка, лютый мой злодѣй,
Ты все снова пробудила
Звонкой пѣсенкой своей...”

Только такие романсы слыхалъ старый домъ; только такие романсы слыхали и тѣ дома, которые стояли направо и налево отъ старого дома.

И вотъ черезъ десять лѣтъ я опять въ безвѣстномъ, забытомъ людьми городѣ, опять въ старомъ домѣ. Ноги мои попираютъ тѣ ступени, по которымъ онѣ бѣгали когда то съ ребячей рѣзвостью. И владѣтельница старого дома, бабушка, въ бѣломъ чепцѣ на сѣдыхъ волосахъ, опять предо мной.

— Бабушка! Дорогая! — кричу я, бросаясь на шею бабушкѣ.

— Андрюша!

Мы замираемъ въ родственномъ объятіи.

— Гдѣ же Лиза? — спрашиваю я.

— Лизы нѣту, дружокъ, — говорить бабушка, отирая радостныя слезы. — Она потренировалась поѣхала. У нихъ завтра автомобильная гонка, дружокъ.

Я смотрю на стѣны старого дома, — онѣ не обваливаются на меня.

— Лиза участвуетъ въ автомобильныхъ гонкахъ?

— Два первыхъ приза взяла! — говоритъ бабушка, и въ голосѣ ея я слышу оттѣнокъ гордости. — Завтра, чего доброго, третій возьметъ.

— Трусиха Лиза участвуетъ въ гонкахъ?! Да что-жъ это, бабушка? Да послѣ этого остается ждать одного: остается ждать, что Лиза будетъ летать на аэропланѣ?

— И будетъ! Навѣрно, будетъ. Спить и видѣть въ аэропланѣ летать!

Бабушка гладитъ меня по головѣ, какъ гладила въ тѣ времена, когда я былъ ребенкомъ, и говоритъ:

— Счастливый день: и ты пріѣхалъ, и черноболотинскія въ гору пошли. Я на нихъ на повышеніе, дружокъ, сыграла.

— Бабушка, вы играете на биржѣ? Я падаю въ обморокъ.

Лиза собирается летѣть на аэропланѣ, бабушка играетъ на биржѣ... Что же осталось отъ старого дома, Боже мой!?

А. Грузинскій.

